

АСЯ КЕФЭ

Эгениум

БЕРЕГ НЕОТПУЩЕННЫХ

RUGRAM

Москва
2026

УДК82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
К37

Кефэ, А.

К37 Эгениум. Берег неотпущенных/ А. Кефэ. — М. : RUGRAM, 2026. — 384 с. — (Колодцы бесконечности).

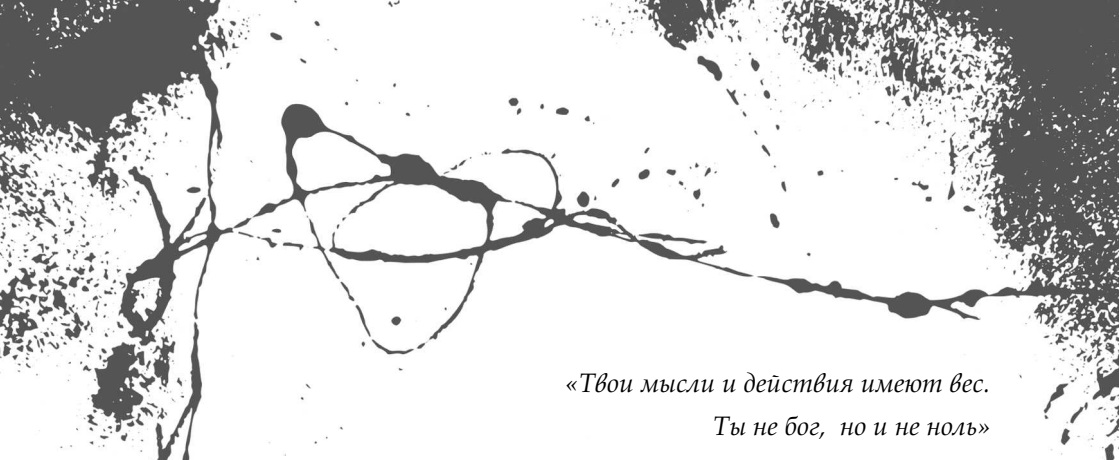
ISBN 978-5-524-01806-9

Ян привык, что его слова — это просто слова. Но однажды тени оживают, и он узнаёт: Эгениум, древняя тьма, плетёт из обрывков его негатива нити, которые тянутся к близким. Вместе с одноклассниками Ян начинает квест, который оказывается проверкой: сможет ли он отозвать свои мысли, когда на кону жизни тех, кого он хотел стереть? Особенно теперь, когда его желания так легко исполнить — достаточно шепнуть темноте заветное: «Пусть...»

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус) В1С FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-524-01806-9

© Кефэ Ася, 2026
© RUGRAM, 2026

*«Твои мысли и действия имеют вес.
Ты не бог, но и не ноль»*

Глава 1

Сначала ты уверен, что спишь. Мир вокруг — как размытая картинка, звуки будто из-под воды, тело не слушается. Ты знаешь: сейчас прозвенит будильник, мама крикнет из кухни, за окном проедет первая машина — и всё вернётся на свои места.

Бывает, ты падаешь во сне — и в последний момент дёргаться, просыпаясь в своей постели. Сердце колотится, под ладонью — знакомая простыня, стены на своих местах. Можно выдохнуть. Это был просто сон.

Но иногда что-то идёт не так.

Ты всё так же лежишь между сном и явью, слышишь мир... и вдруг понимаешь: будильник не звенит, голоса нет, комната будто чужая.

Ты пытаешься открыть глаза — и не до конца понимаешь, какие из картинок настоящие, а какие ещё принадлежат ночи.

В этот момент грань трескается.

Сон не отступает до конца, а реальность не спешит приходить.

И именно там, в этой тонкой трещине между «ещё сплю» и «уже проснулся», начинается моя история.

Будильник заорал так, будто собирался будить не одного человека, а весь район. Ян нащупал телефон, тыкнул вслепую и, не открывая глаз, задержал палец на холодном экране.

«Пять минут», — подумал он. Как будто эти пять минут могли что-то изменить.

Из-за стены послышался голос мамы:

— Я-а-ан! Вставай! Тебе в школу!

Он выдохнул, перевернулся на спину и уставился в потолок. Тонкая трещина, тянущаяся от люстры к углу комнаты, напоминала ему карту. Только он так до сих пор и не понял — карту к чему.

«Все чего-то хотят, — лениво прокрутилось в голове. — Мама — чтобы я не опаздывал. Алексей — чтобы «определился с целями». Классуха — чтобы перестал спать на уроках. Я вообще-то и так стараюсь. Учусь, не пью, не дерусь. Чего им всем ещё нужно?»

Он всё-таки сел, потёр глаза и потянулся к тетради, лежавшей на столе. На обложку налипли крошки от вчерашнего печенья. Ян смахнул их.

Тетрадь раскрылась сама — на самом толстом, распухшем от линий и штрихов развороте.

Такие страницы никогда не лежат ровно: когда долго рисуешь, бумага приминается сильнее остальных, выгибается дугой, как будто сама просится под руку.

Почти весь блокнот был исписан. Где-то торчали угольные тени, где-то виднелись размазанные пальцем графитовые пятна. Но последняя страница выделялась даже на их фоне.

На ней — рисунок, сделанный маркерами.

Цвет лёг плотно, ярко, так, как умеют только хорошие спиртовые маркеры: без полос, с мягкими переходами, но при этом каждая деталь — как удар. Контуры чуть повело от слоёв краски, края страницы стали жёсткими, шершавыми.

Если провести по ним пальцем, кожа цепляется за выступающие гребни бумаги — следы того, сколько раз он возвращался к этому месту, дорисовывал, исправлял, нажимал сильнее, чем нужно.

На странице — его вчерашний набросок: высокий дом, наполовину освещённый солнечными пятнами, наполовину утопающий в густой тени. На крыше — фигурка, похожая на него самого. Внизу — маленький силуэт женщины с круглым животом и мужчина рядом, у которого вместо лица пустое светлое пятно.

Он провёл пальцем по пятну, как будто пытаясь нащупать там черты. Ничего.

Ян засунул тетрадь под кучу учебников на столе. Он уже сбился со счёта, сколько таких тетрадей, блокнотов у него было. Дома, в школьном рюкзаке — они всегда сопровождали его.

На кухне пахло тостами и кофе. Мама стояла у плиты, помешивая кашу и придерживая рукой живот. Алексей сидел за столом, листая новости в телефоне.

— Доброе утро, — буркнул Ян.

— Утро уже давно доброе. Ты опять три будильника проспал? — спросила мама.

— Два, — поправил он. — Третий сработал.

Алексей, не отрываясь от экрана, хмыкнул:

— Если бы уроки начинались в двенадцать, ты бы был идеальным учеником.

Ян промолчал. Садиться напротив отчима всегда казалось странным: вроде бы за год он привык к его присутствию, но всё равно чувствовал себя как гость, которого забыли вовремя выпнать.

Мама поставила перед ним кружку какао, хотя он давно пил кофе.

— Ты вечером во сколько будешь? — она села рядом. — Мы с Алексеем хотели обсудить... ну, вообще. Школу. Лето. Дальше. Лето... — мама на секунду задумалась, глядя в окно. — Может, получится выбраться к морю.

«Конечно. Обсудить моё “дальше” без меня невозможно», — язвительно подумал Ян, но вслух сказал:

— Сегодня могу быть поздно. К Севе заедем после уроков, у нас проект по истории.

Мама кивнула, но чуть прищурилась:

— Только не задерживайтесь. И не гуляйте возле стройки. Помнишь, что там...

— ...опасно для жизни, — закончил Ян. Эту фразу он видел на ограждении уже сотню раз. — Мам, ну я же не маленький. Помню.

Он запихнул в рот тост, надел рюкзак и уже собирался выйти, как в коридоре его догнал голос Алексея:

— Ян.

Он обернулся. Алексей стоял в дверях их с мамой комнаты, опираясь плечом о косяк. В свитере, джинсах, с чуть взъерошенными волосами — обычный, почти «свой» взрослый. Если забыть, что этот взрослый живёт в их квартире, спит в маминой постели и что скоро у них будет общий ребёнок.

— Слушай... — отчим помолчал, подбирая слова. — Мы с мамой правда хотим с тобой поговорить. Не про оценки. Про тебя. Ладно?

— Ладно, — коротко ответил Ян.

«Про меня, конечно», — отозвалось внутри, когда он захлопывал за собой дверь.

Самое ужасное в школе было даже не то, что приходилось вставать рано. Самое ужасное — коридор перед первым уроком, когда все ещё полусонные, но уже на месте. Шум, запах дешёвого кофе из автомата, чей-то смех, хлопки дверей.

— Ян! — Сева вынырнул из толпы, как обычно без тетради, без ручки, но с бесконечным запасом энергии. — Спасай. Я вчера залип в сериал. Ты же алгебру делал?

— Делал, — вздохнул Ян. — Но я же не могу просто так отдать...

— Можешь-можешь, — уверенно сказал Сева и ухватил его под локоть. — Ты же мой друг и вообще хороший парень.

Это «хороший» прозвучало и как комплимент, и как приговор. Ян скривился, но всё равно достал тетрадь. Кому он пытался доказать обратное?

На третьем уроке, на истории, даже Сева притих. Учительница ходила между рядами, что-то вещала про раскопки Шлимана — те самые руины Трои, найденные в начале двадцатого века. Она долго рассказывала, как по фрагментам собирали город, которого вроде бы не существовало.

Ян в какой-то момент поймал себя на том, что звук её голоса превращается в ровный фон.

Глаза начали закрываться сами собой. Он уткнулся лбом в ладонь, пытаясь удержаться.

«Не сейчас. Только не сейчас», — попросил он себя.

— Ян! — учительница резко назвала его по имени.

Он дёрнулся. Класс зашептался. Сева рядом тихо фыркнул.

— Поделитесь-ка, молодой человек, — голос исторички был сладкий, но таил опасность, — что вы можете сказать о городе, который засыпали песком, а потом откопали археологи?

Ян моргнул. В голове всплыли улицы из его сна: белые дома, отбрасывающие слишком длинные тени, и голос, шепчущий что-то на непонятном языке.

— Его... как и людей, которые там жили, слишком поздно вспомнили, — неожиданно для себя выдал он. — И теперь все делают вид, что он всегда был только музеем.

В классе кто-то хмыкнул. Учительница удивлённо подняла брови.

— Нестандартно, но... в чём-то верно, — признала она. — Главное, Ян, — не превратить свою жизнь в музей, где вы будете сторожем. Спите по ночам, а не на уроках.

Сзади раздался смешок. Ян почувствовал, как к ушам приливает густой жар.

«Ну да, шутка века. Сонный сторож собственной жизни», — горько подумал он и уткнулся в тетрадь, чтобы никто не видел, как дрогнули губы.

День на удивление прошёл быстро и без происшествий. Не считая того, что Сева влез перед ним в очередь и купил последние два пирожка, сжевав их в одну каску, даже не подумав поделиться.

«И чего я с ним всё нянчусь, проект подписался делать, списывать даю», — думал Ян, наблюдая, как Сева засовывает в рот последний пирожок.

Глава 2

После школы воздух казался другим. Ян остановился у ворот, вдохнул глубже.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от мамы: «К шести будь дома».

Он закрыл глаза, удручённо вздохнул, но всё равно набрал: «Ок».

Он мечтал о том дне, когда сможет куда-нибудь уехать или начать жить отдельно. Правда, это пока всё оставалось только планами. Он даже думал пожить у Севы, тот вроде был не против, обещал с родками поговорить, типа Ян будет его подтягивать по учебе.

«А что, было б неплохо, хоть не буду видеть их всех. Можно делать что хочется, в телефоне сидеть без этого “а, ты опять там завис”».

Яна подбешивали эти двойные стандарты. Как сами там что-то листают, так это нормально, как он в телефоне, так сразу скандал. Может, хоть бебик родится — на него переключатся и про Яна забудут. Хотя от этой мысли тоже было не особо весело.

Иногда в голове вспыхивало: «А если бы его вообще не было?» Не авария, не болезнь — просто... ошиблись врачи, придумали.

Как только эта мысль оформлялась словами, становилось мерзко. Ян морщился и гнал её прочь, но от того она казалась ещё более липкой.

Он сел на лавку, достал тетрадь. Всё равно обещал Севу подождать, пока тот алгебру пересдаст. Ян рисовал постоянно, в любую свободную минуту: в тетрадках, в блокнотах, даже на салфетках.

В последнее время в рисунках всё чаще повторялся один и тот же сюжет. На странице в тетради был знакомый дом — наполовину в тени, наполовину на свету — почти такой же, как в его домашнем блокноте. Иногда он начинал рисовать дом в школьной тетради, а заканчивал уже дома, в другом месте — будто одни и те же линии сами искали себе продолжение.

Рука потянулась к карандашу. Внизу, почти не думая, он дорисовал: вместо пустого белого пятна на месте лица отчима — тёмная, как выжженная, дыра. Из неё тянулись тонкие чёрные нити к маме и к маленькому кокону рядом. На другом краю листа появилась тонкая фигурка в капюшоне, держащая ножницы.

Он посмотрел на результат, хмыкнул и захлопнул тетрадь.

«Молодец, Ян. Отличная семейная терапия: жили они долго и счастливо».

— Ну что, художник века, пошли историю спасать, пока про нас не забыли окончательно, — улыбаясь, произнёс подошедший Сева.

Они дружили давно, ещё с шестого класса. Тогда два девятиклассника прижали Севу к стене за гаражами, требуя деньги «на обед». Ян, сам не понимая зачем, полез вмешиваться. В итоге синяк под глазом остался у него, а не у Севы, дома за это «геройство» его ещё долго пилили. С того дня Сева считал, что Ян навсегда в списке спасателей.